

К ВОПРОСУ О РУССКО-ПРИБАЛТИЙСКИХ СВЯЗЯХ

в IX — XIII вв.

А. Л. Монгайт

Тема взаимоотношений русского народа и народов Восточной Прибалтики не нова. Ей посвящены многочисленные книги и статьи историков и публицистов. Давно уже сложились определенные концепции, часто продиктованные не объективными данными, а классовой позицией их авторов. Рассматриваемая проблема стала не только исторической, но и политической; полемика вокруг нее нередко велась с националистических, шовинистических позиций. Прибалтийско-немецкие буржуазные историки в большинстве своем защищали идею культуртрегерства, утверждая, что подлинная культура в Прибалтику была принесена якобы завоевателями-немцами, которым прибалтийские народы и обязаны всеми своими культурными достижениями. Взаимосвязи русского и прибалтийских народов этими исследователями либо игнорировались, либо отрицались. Русские просветители XVIII—XIX вв. выступили против такой концепции, но деятели буржуазно-национального движения, в особенности в XX в., обычно соглашались с антирусскими положениями прибалтийско-немецкой историографии и противопоставляли ей лишь идею о независимом развитии прибалтийских народов, у которых будто бы существовали идеальные патриархальные отношения, пока внешнее вмешательство не привело к возникновению феодализма.

Советские ученые уделили теме взаимоотношений русского народа и народов Прибалтики значительное внимание. Правда, пока еще не появились монографические исследования по этим вопросам, но они затрагиваются в ряде статей и публикаций на основании изучения письменных источников, а также антропологических, этнографических, археологических и лингвистических данных.

Если для первого этапа работы очень важно было собрать отдельные факты, опровергающие националистические концепции, исключить из научного обихода некоторые ошибочные точки зрения, то теперь решается не менее важная и не менее сложная задача более углубленного исследования проблемы. Советские исследователи, в частности ученые, принимавшие участие в большой комплексной Балтийской экспедиции Академии наук СССР, взяли на себя эту почетную обязанность.

Археологические источники очень важны для решения вопроса о взаимосвязях, однако их значение неравноценно при постановке различных тем.

Некоторые факты из истории русско-прибалтийских отношений стали известными в результате объективного изучения письменных источников,

¹ Я. Зутис. Основные направления в историографии народов Восточной Прибалтики (XIX—XX вв.). «Доклады советской делегации на международном конгрессе историков в Риме». М. 1955. Наиболее полная сводка данных письменных источников по вопросу о русско-прибалтийских связях и их критический обзор содержится в рецензии А. Сапунова на книгу Ф. Кейслера «Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII столетии», опубликованной в отчете о тридцать восьмом присуждении наград графа Уварова. «Записки Академии наук по историко-филологическому отделению». VIII серия. Т. III, № 1. СПб. 1898, стр. 79—132.

и археологические данные служат лишь иллюстративным материалом. И наоборот, другие факты можно установить только на основании археологических изысканий, ибо письменные источники ничего о них не говорят.

Сходные вещи, найденные в Прибалтике и на Руси, очень часто историками, а иногда и археологами считают доказательством непосредственных связей между русским и прибалтийскими народами². В большинстве случаев так оно и было, хотя не исключена возможность самостоятельного возникновения одинаковых форм, вещей и явлений в двух различных, не связанных между собой районах. Но если даже подобные находки свидетельствуют о миграции вещей, то это само по себе является сравнительно малозначащим фактом. Вель элементарная истина, давно установленная археологами, говорит, что еще в глубочайшей древности, со времен палеолита и уж, во всяком случае, в эпоху неолита и бронзы, отдельные вещи и материалы передвигались на огромные расстояния. Поэтому, чтобы установить связи между народами на основании этих находок, необходимо получить еще ответы на вопросы: как та или иная вещь попала из Приволжья в Прибалтику? кто ее принес — воин, переселенец, купец? если это результат торговли, то какой — непосредственной или транзитной? приехал ли купец из Приволжья в Прибалтику или вещь прошла десятки областей, десятки рук, иногда подолгу задерживаясь, чтобы наконец через много лет попасть в отдаленную область, и т. д. Наконец, действительно ли вещь привезена или произведена на месте по иноземному образцу? Чаще всего единичная находка не дает ответа на такие вопросы и поэтому не является полноценным историческим источником. Ее можно использовать для иллюстрации вывода, сделанного на основании других данных, и то не всегда, поскольку приходится учитывать элемент случайности. Но при повторяющихся находках одних и тех же вещей возникает вопрос о какой-то закономерности, и если материал массовый и может подвергнуться статистическому анализу, обычно удается такую закономерность установить.

Рассмотрим некоторые вопросы русско-прибалтийских связей в свете археологического материала.

Политические отношения Руси и Прибалтики известны по письменным источникам, и археология здесь почти ничего добавить не может. Повидимому, еще в IX в. население этих мест было в известной мере объединено общей борьбой с завоевателями-норманнами. Русский летописец утверждает, что в какое-то (не датированное им) время народы Прибалтики — чудь, ямь, литва, зимигола, корсь, нерома, либь — платили дань Руси. Чудь — эсты участвовали в походах русских князей: Олега — на Киев и на Византию, Владимира — против Рогволода Полоцкого. Вероятно, политическое влияние русских в Прибалтике особенно усилилось при Ярославе Мудром, который в 1030 г. основал город Юрьев (Тарту). На рубеже XI—XII вв. воздействие киевских князей на Прибалтику ослабело и на первый план выдвинулся Новгород. В Прибалтику предпринимали походы Изяслав Ярославич в 1054 г., Мстислав Владимирович в 1111, 1113 и 1116 гг., Всеволод Мстиславич в 1130—1131 годах. В 1179 г. Мстислав Ростиславич с 20-тысячным войском новгородцев и псковичей прошел через всю Эстонию до моря. В 1190—1223 гг. походы в юго-восточную Эстонию совершил Ярослав Владимирович. Целью всех этих походов был сбор дани. Позже в Ерсике и Кокнесе сидели русские князья — вассалы Полоцка, а восточная латгальская область Талава платила дань Пскову, но управляли ею местные старшины. Даннические отношения были выражением политической зависимости. Мы не знаем, как производился сбор дани в Прибалтике, но уже неоднократно в исторической литературе высказывалось мнение, что латышское слово «погост» и тождественное с ним

² См. «История Латвийской ССР». Т. I. Рига. 1952, стр. 62 и сл.

эстонское и финское слово «вака» связаны с русской системой сбора дани в Прибалтике. Хотелось бы лишь подчеркнуть, что организация сельского населения в погосты была явлением, характерным только для Новгородского государства. Еще в 947 г. княгиня Ольга «устави на Мсте погосты и дани». Согласно уставу Святослава Ольговича 1137 г., погост в Новгородской земле — это община свободных земледельцев, составлявшая податную единицу. Новгородцы устанавливали систему погостов не только в землях, входивших в состав Новгородского государства, но и в других зависимых землях. Вероятно, из Новгорода она проникла и в Прибалтику.

Эти факты, как и дальнейшая совместная борьба русского и прибалтийского народов с немецкой агрессией, продолжавшаяся вплоть до 1234 г. (последний поход Ярослава к Юрьеву), общеизвестны и не нуждаются в археологическом подтверждении. Но в связи с данными политической истории попробуем поставить некоторые вопросы и посмотрим, не поможет ли нам археология ответить на них. Если эсты участвовали в походах русских князей и русские князья неоднократно совершали походы в Прибалтику, то не отразились ли эти обстоятельства на вооружении, устройстве оборонительных сооружений и т. п.? Археолог легко установит, что в вооружении эстов и воинов Новгорода и Пскова есть общие типы топоров, наконечников копий и стрел. По-видимому, в XII в. в эстонском войске, как и в новгородском, были конные воины, вооруженные мечами и копьями, и пешие, оружием которых были топоры и копья. Однако на этом основании нельзя делать определенных, далеко идущих выводов, ибо в то время для значительной части Европы были характерны одинаковые формы оружия.

При сравнении оборонительных сооружений обращает внимание окружающая Новгородский посад каменная стена, открытая археологами в 1947—1948 годах. Эта стена, толщиной около 4 метров, сложена из крупных валунов на известковом растворе и облицована квадратами розового известняка³. Ее фундаменты лежат на бревенчатых лагах. Известны точно такие же памятники на острове Готланде и в Прибалтике. Аналогична Новгородской стене крепость в Гольме. Здесь точно повторены не только система кладки, но и основные размеры Новгородской стены⁴.

К сожалению, в Прибалтике раскопано очень мало средневековых городищ. Но раскопки валов некоторых городищ в Латвии и Эстонии показали, что они заключают в себе деревянные городни, рубленные в лапу (с остатком)⁵. Наиболее распространенным типом укрепления у славян, как западных, так и восточных, являлись комбинированные деревянно-земляные укрепления: земляные валы с деревянными городнями и террасами. Реже встречаются каменные укрепления. Конечно, наличие городен на прибалтийских и славянских городищах еще не является доказательством взаимовлияния народов. Подобные конструкции могли возникнуть независимо друг от друга. Но если учесть, что в славянских землях городни появились значительно раньше, чем в Прибалтийских, и что в Прибалтике они возводились в период развитых связей с Русью, то предположение о русском влиянии на крепостное зодчество Прибалтики становится более обоснованным.

Выше отмечалось, что система сбора дани в Прибалтике связана с новгородской системой поземельного сбора. Возникает вопрос: не был ли и самый переход от подсечного земледелия к пашенному в Прибалтийских землях связан с восточнославянским, в частности новгородским, влиянием? Очень убедительным казался факт, что славянское название сохи

³ А. Л. Монгайт. Оборонительные сооружения Новгорода Великого. «Материалы и исследования по археологии СССР». № 31. М.-Л. 1952.

⁴ Armin Tuulse. Die Burgen in Estland und Lettland. Dorpat. 1932, S. 129, Ab. 3.

⁵ «Muistse Eesti Linnused». Tartus. 1939; «Древние поселения и городища». Археологический сборник. I. Таллин. 1955; E. Brastins. Latvijas Pilskaļni. Тт. I—IV. Riga. 1923—1930.

воспринимается эстонским и другими западнофинскими языками примерно в середине I тысячелетия н. э. Но у нас есть лишь косвенные доказательства наличия в это время пашенного земледелия у северных восточно-славянских племен.

Однако есть бесспорные и важные археологические материалы, позволяющие сделать вывод о большом значении связей с Русью для развития народов Прибалтики. Несомненно, русские и в культурном и в социальном отношении шли впереди Прибалтики, но нельзя русское влияние считать решающим фактором развития населения этого района. Как теперь доказано советскими археологами и историками⁶, народы Прибалтики самостоятельно проходили тот же путь от первобытнообщинного к феодальному строю, который несколько раньше проделали соседние германские и славянские племена.

Через Прибалтику проходил важнейший торговый путь из Скандинавии на Восток. Примерно с X в. Прибалтика начала играть важную роль в транзитной торговле между Восточной и Западной Европой.

Вероятно, еще с бронзового века был известен путь по Даугаве, служивший для сношений Готланда и Скандинавии с Востоком, но до середины I тысячелетия н. э. этот путь, по археологическим данным, едва намечался. В VII в. скандинавы уже создали свою колонию на побережье Балтийского моря в районе Гробиня⁷. Их вторжения продолжались и позже, но особенно усилились с середины IX века. Шведские находки в Прибалтике, относящиеся к этому времени, сконцентрированы вдоль дорог, которые вели в русские земли, прежде всего вдоль Даугавы (много таких находок вблизи Риги)⁸. Но более важной была дорога на Русь, через Финский залив, Неву и Ладожское озеро. Новгородские и псковские купцы пользовались также торговым путем, который вел к реке Гауя и далее к Рижскому заливу⁹.

С Востока на шведское побережье попало до 50 тыс. куфических монет. Причем почти все они прошли через русские земли. Торговля Запада с Востоком первоначально находилась в руках не норманнов, а славянских купцов. Об этом свидетельствует тот факт, что большинство кладов с куфическими монетами первоначально оседало в Восточной Европе (включая Прибалтику) и лишь по мере насыщения серебром рынка восточно-европейского возрастал транзит дирхемов на запад¹⁰. Так, в Восточной Европе найдено 25 кладов куфических монет и около 30 отдельных монет конца VIII—первой трети IX в., в Западной—16 кладов и 13 отдельных

⁶ «История Эстонской ССР». Таллин. 1952; «История Латвийской ССР». Рига. 1955; Х. А. Моора. Возникновение классового общества в Прибалтике. «Советская археология». 1953, XVII, стр. 105—132; T. Zeids. Feodalisms. Livonija. Riga. 1951.

⁷ B. Nerman. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum. Stockholm. 1929, S. 46; его же. Swedisch Viking Colonies on the Baltik, Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki. IX. 1934, p. 357—380.

⁸ F. Balodis. Handelswege nach dem Osten und die Wikinger in Russland (Nach Ostbaltischen und Russischen Quellenmaterial. Отгиск из Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar. Antikvariska studier III).

⁹ В более позднее время пути через Прибалтику, и в частности через территорию современной Риги у р. Даугавы, вероятно, имели значение не только для торговли северных и восточных русских земель с Западом, но и для их сношений с югом Европы. Когда в южных степях господствовали половцы, путь в северо-восточные русские земли из Корсуня шел через Ригу, Венден (теперь Цессис) и Новгород. Такой путь обрисован в повести о перенесении образа Николая Зарайского из Корсуня в Рязанскую землю. Священник Евстафий с образом пытался проехать прямо в Рязань, но ему отсоветовали, так как в степях находились половцы. Тогда он «прииде в усть Днепра» и «сяде в корабль, и доиде моря Варяжского и паки прииде в Немецкие области (дело было в 1225 г.—А.М.) во град Кесь и мало пребы в нем и поиде отуду сухим путем, и прииде в Великий Новой град». («Воинские повести древней Руси». Л. 1949, стр. 251. По некоторым другим спискам «Повести о перенесении иконы Николая Зарайского» Евстафий прибыл в Ригу и оттуда сухим путем попал в Кесь и в Новгород). Очевидно, это реальный, а не легендарный путь.

¹⁰ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М. 1956, стр. 86—90.

монет, причем 3 клада обнаружены на острове Готланде и один на территории материковой Швеции. К 833—900 гг. относятся 35 кладов в Восточной и 16 в Западной Европе; к 900—938 гг. — 33 клада и 50 отдельных монет в Восточной и 42 клада и 30 монет в Западной Европе; к 939—1000 гг. — 60 кладов в Восточной и 65 в Западной Европе¹¹. Чем дальше на юг Западной Европы, тем менее значительны клады восточных монет. В Прибалтике та же картина. В Литве, в районе Немана, обнаружено всего 3 клада и несколько отдельных монет. У ливов в районе Риги и Кремона находок восточных монет также немного, хотя несколько больше, чем в Литве. Зато у эстов было множество восточных монет. Они встречаются и отдельными кладами и почти во всех кладах западноевропейских монет X—XI веков. Особенно много их в районе Тарту и Таллина¹². Арабы и византийцы не посещали Прибалтику. Найденные здесь клады могли принадлежать лишь местным купцам и варягам, состоявшим в торговых отношениях со славянами и западноевропейскими купцами.

Очевидно, до начала XI в. меньшее значение для Прибалтики имел другой важный торговый путь — днепровский. В Латвии в 54 пунктах найдено 807 куфических монет и только в 7 пунктах 13 византийских монет, находившихся в обращении до начала XI века¹³. В XI в. прекратился приток дирхемов в Восточную Европу. В это время в Прибалтике появилось много западноевропейских монет¹⁴, главным образом (80%) германского происхождения. Но во всей Прибалтике очень мало немецких вещей¹⁵. Надо полагать, что торговля с немцами серьезного влияния на материальную культуру Восточной Прибалтики не оказала. Зато здесь много вещей скандинавского (оружие, мечи и наконечники копий, а также фибулы, перстни, браслеты и т. п.)¹⁶ и русского происхождения (бубенчики, подвески, шейные гривны, проволочные браслеты, бляшки, пряжки и т. д.)¹⁷. В курганах ливов XI в. обнаружены сходные с новгородскими подвески — птички, подвески с крестиками, пряжки, бусы.

В найденном в Тарту кладе, относящемся к XII в., наряду с местными вещами были и импортные, из Новгородской земли¹⁸. Многие из русских вещей, найденных в Эстонии, происходили из Новгорода. Так, наряду с восточнославянскими шаровидными хрустальными или сердоликовыми бипирамидальными бусами, витыми из проволоки браслетами, круглыми решетчатыми привесками встречаются ромбоштитковые височные кольца, характерные для славянского населения Новгородской земли¹⁹. Можно проследить восточное происхождение некоторых предметов, представленных более или менее многочисленными находками. Например, витые из трех проволочек браслеты найдены в разных частях Эстонии, в том числе даже на островах, но в северо-восточных пограничных с Новгородом провинциях их вдвое больше, чем во всей остальной Эстонии. По-видимому, проникновение славянских вещей было связано как с торговлей, так и с колонизацией новгородцами эстонских областей на северо-западном берегу

¹¹ А. К. Марков. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб. 1910; В. Л. Янин. Указ. соч., гл. III.

¹² A. M. Tallgren. Zur Archäologie Eestis. II. Dorpat. 1925, S. 147—152.

¹³ R. Šņoge. Seno monetu atradumi Latvijā, Vestures atzinas un telojumi. Rīga. 1937, стр. 32, 33, 36, 39.

¹⁴ Только в Латвии 36 местонахождений монет с общим количеством 1500 штук. R. Šņoge. Указ. соч., карта на стр. 39.

¹⁵ Max Ebert. Die baltischen Provinzen Kurland, Livland, Estland. Prähistorische Zeitschrift. 1913. T. V. Вып. 3/4, стр. 555.

¹⁶ T. J. Arne. La Suède et l'Orient. Uppsala. 1914, p. 122 и сл.

¹⁷ F. Valodis. Det äldsta Lettland. Stockholm. 1940, стр. 162, 164, 173; его же. Jersika. Rīga. 1940, стр. 49, табл. III, V, VI, VII, VIII, IX, XI, XIV; X. А. Моора. Возникновение классового общества в Прибалтике. «Советская археология». 1953, XVII, стр. 105—132.

¹⁸ M. Schmiedehelm. Ein Depotfund aus Tartu, Eurasia Septentrionalis Antiqua. IV. 1929.

¹⁹ H. Moora. Wotische Altertümer aus Estland. ESA. IV. 1929, S. 272—283.

Чудского озера. Характерно, что не только в Эстонии и в ее северо-восточной части, непосредственно граничившей с Новгородом, но и в землях более отдаленных и притом даже в эпоху, когда немецко-рыцарская агрессия оторвала Прибалтику от Новгорода, встречаются новгородские вещи. В поздних курганах ливов, относящихся к XIII в., все найденные предметы сходны с вещами из курганов Новгородской земли (пряжки нагрудные и поясные, бубенчики, браслеты, пряслица)²⁰.

В юго-восточной Латвии на городищах XI—XIV вв. — Тервете и Асоте — найдены русские, в том числе и новгородские, вещи, керамика²¹. В Нукшинском могильнике находились широколезвийные топоры и витые браслеты с завязанными концами восточнославянского происхождения²².

Этот перечень можно было бы продолжить. Оживленные связи существовали у прибалтийских народов не только с Новгородом, но и с Киевом, Смоленском, Полоцком. Они также подтверждаются археологическими материалами²³. Обмен был взаимным: русские изделия шли в Прибалтику, а вещи из Прибалтики — на Русь. В Новгородской земле попадались булавки для нагрудных цепочек эстонского типа, ножи в характерных кожаных ножнах, с медной орнаментированной листовой оковкой, большие поясные пряжки, состоявшие из широкого орнаментированного пластинчатого кольца и прикрепленной к нему при помощи ушка или скобочки гладкой бляхи треугольной формы, и т. д.²⁴. Литовские вещи — пряжки, венчики — встречаются в курганах вблизи Пскова. Эстонские серебряные вещи XIII в. найдены в кладах в Пскове. В раскопках, которые ведутся в последние годы в Новгороде на Неревском конце, обнаружено значительное количество привезенных из Прибалтики вещей: булавок с крестообразной головкой, подковообразных застёжек, подвесок с цепочками²⁵, янтарных изделий²⁶.

К этому можно добавить, что прибалтийские купцы, по-видимому, очень часто приезжали и подолгу жили в Новгороде, ибо там была даже улица, названная Чудинцевой²⁷. В прибалтийские языки проникли русские торговые термины («торг», «мера», «верста», «ладья» — в эстонском языке; «цена», «купец», «берковец» и т. д. — в латышском).

Итак, мы имеем много фактов, свидетельствующих о значительном развитии русско-прибалтийской торговли. Вместе с тем необходимо подчеркнуть неравноценность этих фактов. Если монетные находки помогают выявить торговые пути, а заимствование терминов, несомненно, свидетельствует о продолжительных связях, то отдельные вещи, преимущественно украшения, имеют меньшее значение, так как, очевидно, не они были главными объектами торговли. Важно установить, производились ли отдельные вещи местными прибалтийскими ремесленниками по русским образцам, пользовались ли эстонские, латышские мастера технологическими приемами русских ремесленников. К сожалению, этот вопрос мало изучен. В археологической литературе почти нет работ, посвященных технологии изготовления тех или иных вещей в Прибалтике.

²⁰ А. А. Спицын. Литовские древности. *Tauta ir Žodis*, III. Каунас. 1928.

²¹ Коллекция в Институте истории и материальной культуры Академии наук Латвийской ССР. Раскопки Э. Шноре и Э. Бриевкалне.

²² «Нукшинский могильник». «Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР». Т. 1. Рига, 1957, табл. V, 6, 9; IX, 13.

²³ См., например, о результатах раскопок Ерсикского городища — остатков города, входившего в сферу влияния Полоцка. — *F. Valodi's Jersika*. Riga. 1940.

²⁴ А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. «Материалы по археологии России», № 20. СПб. 1896.

²⁵ Коллекция Новгородской археологической экспедиции. Опись 1952 г., № 10065; опись 1953 г., № 2684, 2701, 14 и др.; опись 1954 г., № 3604, 3614 и др.

²⁶ «Труды Новгородской археологической экспедиции». Т. I. М. 1956, стр. 27—23; «Материалы и исследования по археологии СССР». № 55. М. 1956, стр. 27—28.

²⁷ О посещении эстонцами Новгородского торгового повествует скандинавская сага об Олафе Тригвассоне.

С точки зрения влияния на материальную культуру Прибалтики гораздо большее значение, чем украшения, имеют предметы, которые, вероятно, не перевозились на дальние расстояния и которые все же распространились в этом районе. Речь идет о керамике характерного восточнославянского, и в частности новгородского, образца²⁸. Она встречается в северо-восточной Латвии²⁹, в курганах ливов в низовьях Аа, в могильниках у Курэмэя (к северу от Чудского озера), в курганной группе Илга при раскопках на городищах Варбола, Отепя и в Таллине³⁰.

По технике производства, форме сосудов и орнаменту эта керамика очень сходна с ранней новгородской, а также с изготовленной на гончарном круге керамикой Пскова и Старой Ладogi из слоев IX—X веков. Славянского типа керамика найдена и на латгальских городищах. Керамику обычно на далекие расстояния не возили. Если исключить отдельные случаи переселения славян-колонистов, распространение керамики славянского типа связано с развитием ремесла. Возможно проследить постепенное распространение изготовленной на кругу керамики от границ Новгородской земли. В Эстонии до X в. керамика была лепной. Только в XI в. появился гончарный круг, и затем долго сосуществовали два типа керамики — круговая и лепная. На северо-западе Эстонии лепная держалась дольше, чем на юге. На городище Лыхавере — замке Лембиту, выдающегося военачальника эстонцев начала XIII в., и на городище Наану (близ Вильянди) конца XII — начала XIII в. найдена керамика почти целиком круговая³¹. Есть сосуды чисто славянского облика, но большинство их имеет некоторые отличия и, очевидно, изготовлено местными ремесленниками по славянским образцам. В XI в. в Литве также появилась круговая керамика. Появление гончарного круга свидетельствует об отделении ремесла, о развитии общественного разделения труда. Круговая керамика местного производства распространялась одновременно с керамикой восточнославянского типа, прежде всего в восточной и центральной Эстонии. Позже и реже она встречалась в западной Эстонии. Потребность в гончарном круге явилась результатом внутреннего социального развития прибалтийских племен, но сам круг и способ изготовления на нем посуды, по-видимому, распространились под русским влиянием.

Культурное взаимодействие осуществлялось не только путем экономических связей. Оно часто оказывалось столь сильным, что в древности, когда не было четких политических границ, стирались и этнические границы. И нередко между двумя, иногда очень отличными по своей культуре народами лежала область со смешанной культурой, образовавшейся в результате длительного взаимодействия различных народов. Так, например, племя воль, принадлежавшее к народам финского языка, рано вошло в состав Новгородского государства³². К XI в. воль испытала уже сильнейшее культурное воздействие со стороны славян. Крупнейший русский археолог А. А. Спицын, издавший отчеты о раскопках курганов бывшей Петербургской губернии, не смог выделить вольские курганы и отличить их от русских³³. Он считал, что большинство этих курганов было, безусловно,

²⁸ О новгородской керамике см. Г. П. Смирнова. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. «Труды Новгородской археологической экспедиции». Т. I, стр. 228—248.

²⁹ Г. И. Мосберг. Проблемы этнического состава населения Восточной Прибалтики в освещении современной латышской археологической литературы. «Краткие сообщения» Института истории материальной культуры. Вып. VIII. 1940.

³⁰ С. А. Тараканова, О. В. Саадре. Результаты археологических раскопок 1952 и 1953 годов в Таллине. Древние поселения и городища. Таллин. 1955, стр. 15, 38.

³¹ Х. А. Моора. О результатах исследования городищ в Эстонской ССР. Древние поселения и городища. Таллин. 1955, стр. 92—94.

³² С. С. Гадзяцкий. Вотская и Ижорская земли Новгородского государства. «Исторические записки». Т. VI, М.-Л. 1940.

³³ А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. «Материалы по археологии России». № 20. СПб. 1896; его же. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. «Материалы по археологии России». № 29. СПб. 1903.

славянского происхождения. Нерешенность вопроса об этнической принадлежности курганов Петербургской губернии породила и прямо противоположную ошибочную точку зрения, согласно которой все эти курганы объявлялись принадлежащими води³⁴. Признание северо-западных курганов Петербургской губернии славянскими может создать впечатление, что води была вытеснена к Балтийскому побережью, а в остальной части вотской пятины Новгородской земли полностью ассимилирована. Между тем это не так. Подвергшись воздействию со стороны славянства, води не утратила своей культуры. Внимательное изучение курганных инвентарей позволило установить, что часть раскопанных Л. К. Ивановским, В. Н. Глазовым и др. курганов оставлена русскими, часть же — водью³⁵. Они перемежаются, находятся рядом, свидетельствуя о том, что при колонизации славяне не вытесняли местные племена. В XI в. колонизационное движение славян на северо-запад закончилось. Ко второй половине XII в. вотская земля сложилась как самостоятельная административная единица. Новгородский пригород Копорье был ее центром. Население этой земли смешивалось со славянами, но сохраняло особенности своей культуры, позволяющие отличить по инвентарю, сопровождавшему погребения, вотские курганы от славянских.

О возникновении непосредственного контакта между эстонскими племенами и славянами можно судить по памятникам, относящимся еще к середине I тысячелетия н. э. В это время на юго-востоке Эстонии наряду с характерными для местных племен каменными могилами появились славянские курганные погребения, по-видимому, принадлежавшие племенам кривичей. Курганы славянского типа существовали в юго-восточной Эстонии до IX в., после чего их количество стало убывать. Единичные курганы встречаются еще в X—XII вв.— по-видимому, здесь славяне растворились среди эстонского населения³⁶. Но в инвентаре чисто эстонских памятников встречаются отдельные предметы и керамика славянского образца. Что же касается северо-восточной Эстонии, к северо-западу от Чудского озера, то здесь в конце XI в. появились курганы новгородского типа, принадлежавшие смешанному славянско-вотскому населению³⁷. Взаимные связи эстонских племен и их восточных соседей были так сильны, что в XII—XIV вв. в районах, находившихся по обеим сторонам р. Нарвы, Чудского и Псковского озер, сложился весьма сходный антропологический тип.

В восточной Латгалии, по-видимому, под влиянием русских в X в. появился курганный обряд погребения, удержавшийся, несмотря на распространение христианства, до XVI века. Курганов особенно много в пограничных районах³⁸. В восточной части территории Латвийской ССР насчитывается около 70 более или менее крупных групп курганов. Кроме того, на юго-восточной окраине Латвии зарегистрировано свыше десятка курганных могильников с характерными славянскими признаками как в обрядовых формах, так и в инвентаре погребений³⁹. Вероятно, не столько дея-

³⁴ Suomalais-Ugrilaisen Muinaistutkinon Alkeita Kirjoittanut I. R. Aspelin. Helsingissä. 1875; A. M. Tallgren. Les provinces culturelles finnoises de l'âge recent de fer dans la Russie du nord. Eurasia Septentrionalis Antiqua. T. III. Helsinki. 1928, pp. 20—21.

³⁵ В. В. Седов. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.). «Советская археология». 1953, XVIII, стр. 190—232.

³⁶ Х. А. Моора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. Сборник «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин. 1956, стр. 124—131.

³⁷ К. Ю. Марк. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии. Сборник «Вопросы этнической истории эстонского народа». 1956. Таллин, стр. 295.

³⁸ См., напр., «Conférence des historiens des états de l'Europe Orientale et du monde slave, Varsovie. 1927». 2-me partie. Compte rendu et communications. Varsovie. 1928, p. 51—62.

³⁹ «Нукшинский могильник». «Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР». Т. I, стр. 16.

тельностью русских православных проповедников, сколько непосредственными контактами между населением следует объяснить проникновение христианства в Эстонию и Латвию в XI—XII веках. Об этом свидетельствуют находки крестиков, иконок, подвесок, происходящих из русских земель⁴⁰. Обстоятельства находок крестиков и иконок не оставляют сомнения в том, что они служили для племен Прибалтики предметами культа. Кроме того, важнейшие культовые обозначения заимствованы из русского языка⁴¹.

Районы, где осуществлялись в течение длительного времени непосредственные контакты, дают множество этнографических данных по вопросу о взаимоотношениях соприкасающихся народов. Однако этнографический материал как исторический источник имеет тот существенный недостаток, что проливает свет лишь на позднейшие исторические эпохи. Часто трудно установить, к какому времени относится возникновение тех или иных сходных явлений, наблюдаемых в наши дни или в недавнем прошлом. Так, сопоставление этнографических данных дает возможность сделать вывод о сходстве народного жилища некоторых районов Прибалтики и русского жилища. Например, латвийская клеть⁴², сени, коньки на крыше, выступающий брус, система перекрытия — все это близко к жилищам Новгородской земли, как древним, так и более поздним. Те же наблюдения можно сделать в некоторых районах Эстонской ССР⁴³. Но пока нет оснований датировать возникновение этих явлений интересующей нас эпохой. То же следует сказать и в отношении других этнографических данных. Они позволяют проследить историю соответствующих явлений только в сопоставлении с археологическими и лингвистическими материалами.

Очень любопытны палеоэтнографические наблюдения. В результате раскопок последних лет в Новгороде, где в культурном слое очень хорошо сохраняется дерево, открылся целый мир древнерусских деревянных вещей, ранее почти неизвестных археологам. Отмечено удивительное сходство этих вещей с деревянными изделиями, найденными при раскопках в Риге, на Межотненском и Талсинском городищах, и с предметами, хранящимися в этнографических музеях Прибалтики. Однако пока еще остаются нерешенными вопросы: в какой мере такое сходство может быть объяснено культурными взаимосвязями и в какой мере оно порождено близкими условиями (географическими и иными), в которых изобредались и изготовлялись эти вещи?

Многочисленные заимствования русских слов, относящихся к самым разнообразным сторонам общественной, экономической, политической и культурной жизни народов Прибалтики, являются важным доказательством взаимосвязей между славянами и балтийскими племенами, их влияния друг на друга.

Все вышеперечисленные факты свидетельствуют о древних взаимоотношениях между Русью и Прибалтикой. Факты эти, правда, неодинаковы по значению. Одни не выводят нас из области предположений, другие являются убедительными. Одни явления затронули лишь поверхностно культуру, другие вызвали глубокие изменения в экономике и социальных отношениях. Глубокий анализ всех данных, установленных на основании археологических источников, поможет всестороннему изучению вопроса о русско-прибалтийских связях, несомненно, сыгравших большую роль в историческом развитии Прибалтики и русских земель.

⁴⁰ «Latvijas archaiologija». Rīga. 1926, стр. 10, 70 и др.

⁴¹ См. Р. А. Пельше. Связи латышской и русской культуры. «Краткие сообщения» Института этнографии Академии наук СССР. Вып. XVI. 1950.

⁴² «Latvijas archaiologija»; Государственный музей народного быта Латвии. Путеводитель. Рига. 1950; Л. Н. Терентьева и А. А. Крастыня. Крестьянские поселения и жилища в Латвийской ССР. «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952)». М. 1954, стр. 89—113.

⁴³ А. Х. Моора. Русские и эстонские элементы в материальной культуре населения северо-востока Эстонской ССР. Там же, стр. 138—151.